

Эмилия Балалыкина

РОЛЬ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ФАКТОРА В ИЗУЧЕНИИ
ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Исследование деривационной системы русского языка, основных словообразовательных процессов, происходящих в нём, невозможно без привлечения данных близкородственных (и прежде всего славянских и балтийских) языков, помогающих глубже понять и объяснить выявленные закономерности "с сопоставительных позиций"¹.

Это касается большинства словообразовательных типов, функционирующих в русском языке с разной степенью продуктивности. При этом далеко не все особенности, свойственные им в современном языке, могут быть объяснены с точки зрения существующих отношений. Лишь сопоставление с другими языками "проливает свет" на эти "загадочные" явления, помогая определению их сути в языке.

В качестве примера можно привести древнейшие адъективные образования с суффиксом -н-, получившие необычайное распространение как в русском, так и в других славянских языках.

В современном русском языке это самый продуктивный адъективный формант, характеризующийся широкими словообразовательными связями. В качестве производящих основ для образований на -ный (-ний) могут использоваться различные имена, включающие в себя:

а) непроизводные существительные абстрактного и конкретного содержания. Например, болотный, железный, лесной, морозный, нож-

¹ См. В. В., Лопатин, И. С. Улуканов, Средства и различия в словообразовательных системах славянских языков, [в:] Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов, "Наука" 1978, с. 169.

ной, обильный, речной, сильный, умный, хлебный, ценный, шумный и т.д.;

б) производные существительные абстрактного и конкретного содержания. Например, злоба - злобный, радость - радостный, сладость - сладостный, частота - частотный, мольба - молебный, служба - служебный, закупка - закупочный, мойка - моечный и т.д.;

в) наречия: исконный, окольный, поперечный, противный, прежний и т.д.;

г) числительные и местоимения: ничейный, тысячный, миллиардный, миллионный и т.д.;

д) прилагательные: скрытый - скрытный, целый - цельный, частый - частный и т.д.;

е) глаголы и глагольно-именные основы: гневный, летний, отличный, послушный, склонный, переходный, призывной, пропускной и т.д.;

ж) различные именные и глагольно-именные сочетания: великодушный, односторонний, иноплеменный, равнозначный и т.д.

Приведённое многообразие мотивирующих основ свойственно для прилагательных с суффиксом *-*по* во всех славянских языках, которые имеют соотносительные формы, представленные в соответствующих фонетических вариантах². Правда, здесь необходимо обратить внимание на одно чрезвычайно интересное обстоятельство: разные славянские языки в разной степени активно используют твёрдый и мягкий вариант одного и того же аффикса - **по*. Суффикс *-н(ий)* используется, как правило, при мотивирующих именах пространственного и временного значения, выражая в пределах производного слова признак, связанный с соответствующими отношениями. Например, русск. вечерний, зимний, летний, передний, средний, осенний и т.д., белор. асенні, вячэрні, задні, крайні, пярэдні, ранні, сярэдні, ўсходні и т.д., польск. *letni*, *przedni*, *średni*, *zachodni*, *wierzchni* и др., чешск. *denní*, *letní*, *ranní*, *večerní*. При этом важно, что все славянские языки оказываются сходными в плане использования аффикса **-пј-*. Особое место при этом занимает болгарский язык, который знает лишь один вариант суффикса *-*пј-*, функционирующий при любых основах, в том числе и с пространственно-временным значе-

² См. Э. А. Балалыкина, Словообразовательная структура прилагательных в славянских и балтийских языках (именные образования с и.е. формантами **-по*, **-то*, **-ло*, **-мо*), Казань, с. 7-9.

нием. Например, блатен, обилен, силён, речен, умен, хлебен, ценен, шумен, зобен, радостен, платежен, милионен, хиляден и вечерен, летен, переден, среден и т. д.³ Это связано с тем, что суффикс -ен "объединяет в себе в историческом плане два староболгарских суффикса - ьль и -ьпъ, само собой разумеется, что различие их в современном языке невозможно"⁴.

Современный же чешский язык, наоборот, предпочитает мягкий вариант исследуемого суффикса при любых основах, а не только вышеприведённых; формант же - пу здесь используется гораздо реже, поскольку в сферу его функционирования постоянно вторгается - pi⁵. Отсюда параллели типа: горный - *górný* - *horní*, школьный - *szkolny* - *školní*, оконный - *okienny* - *okenní*, денежный - *pieniężny* - *peněžní* в русском, польском и чешском языке. Для польского же языка, наоборот, характерна тенденция к максимальному распространению суффикса - пу, который часто вторгается даже в сферу функционирования форманта - pi при соединении с пространственно-временными основами: *dolny* "нижний", *gorny* "верхний", *wieczorny* "вечерний", *ranny*, *poranny* "ранний, утренний" и т. д.

Приведённые примеры свидетельствуют о продолжающемся взаимодействии древнейших аффиксов -*ĭnos и -*ĭnjos, слав. -ьпъ и -ьпъь, происхождение которых связывают с двумя и. е. формантами: -*ĭno и -*ĭjъ (-jōs)⁶. Исконное назначение приведённого осложнения и. е. -*ĭno указательно-относительным -*jōs в славянских языках остаётся неясным и спорным, хотя сам факт его наличия привёл к существенным изменениям в функционировании древнейшего -*ĭno. Будучи первоначально-связанным с адвербиальными основами и выражая "указание на положение в пространстве и времени"⁷, суффикс - pi уже

³ А. С п а с о в а, За относителните прилагателни в съвременния български книжовен език, [В:] Помагало по българска морфология. Имена, "Наука и изкуство" 1978, с. 367-369.

⁴ Т. S z y m a ŋ s k i, Przymiotniki z sufiksem -en/fem.-na/ w Damaskinie swiszwonskim, "Rocznik Slawistyczny" 1965, t. XXIV cz. I, с. 69.

⁵ И. Л е н о в, Словообразователни склонности на славянските езици, София 1958, с. 56.

⁶ М. B r o d o w s k a-H o n o w s k a, Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków - Wrocław-Warszawa 1960, с. 165-171.

⁷ М. К у с а ł а, Znaczenie i zasięg przymiotników na -ni (przedni, letni), "Język Polski" 1955, t. 36, с. 15.

в праславянский период начинает активно взаимодействовать с первичным - пу, что приводит к раннему параллелизму форм на - пі, - пу. В старославянском языке примеры типа вѣтрънѣ = вѣтрънѣ, бѣзгрѣшнѣ = бѣзгрѣшнѣ и др. - относятся к числу единичных. В древнерусском же языке⁸, судя по данным "Материалов для словаря ..." И. И. Срезневского подобных параллелей гораздо больше: давѣный = давѣнии, дальный = дальнии, зимѣный = зимѣнии, опричь-ный = опричьнии, польтьный = польтьнии, порадьный = порадьнии и т. д. Семантическая дифференциация здесь, как правило, отсутствует. В русском языке более позднего периода тот же параллелизм сохраняется: сторонный = стороннии, ратный = ратнии Суд. свободный = свободнии Суд., См. гр., огородный = огороднии МПЛС, крайний - крайный Пмп и т. д.⁹ Те же параллели были свойственны и старобелорусскому языку: задный = заднии, порожный = порожний, летный = летний¹⁰ и т. д. Известны они и другим славянским языкам на более ранней ступени развития. Например, в старопольском языке: *bytni* = *bytny* Sp XVI "существующий", *letni* = *letny* "летний", *groźni* = *groźny* "суровый", *konieczni* = *konieczny* "конечный", *gwieśni* = *gwieśny* "надёжный, укреплённый", *przyrodni* = *przyrodny* R. "родственный", *blizni* = *blizny* Sp XVI, *drobni* = *drobny* "мелкий", *prawni* = *prawny* ZiRP "правовой"¹¹ и т. д.

Из современных славянских языков только чешский сохранил приведённый параллелизм в достаточном объёме. Формы на - пу, - пі могут быть представлены здесь как полностью дублетные: *lední* - *ledný* "ледяной", *mezni* - *mezny* "межевой, крайний", *příční* - *příčny* "поперечный", *rybní* - *rybný* "рыбный", *strážní* - *strážny* "сторожевой", *žalobní* - *žalobný* "жалобный", *životní* - *životný* "жизненный"

⁸ В р о д о в с к а - Н о п о в с к а, указ. раб., с. 168.

⁹ Суд. - Судебники XV-XVI вв., Москва-Ленинград 1952; См. гр. - Смоленские грамоты XIII-XIV веков, Москва 1963; МПЛС - Литовский статут в Московском переводе редакции, [в:] Летопись знаний императорской археографической комиссии за 1915 г., Петроград 1916; Пмп - Памятники московской деловой письменности XVIII века, Москва 1981.

¹⁰ М. Г. Б у л а х а ў, Гісторыя прыметнікаў беларускай мовы, Минск 1973, с. 80, 112, 159.

¹¹ Sp XVI - *Słownik polszczyzny XVI wieku*, t. 1-13, Wrocław 1966-1981; R - S. R e c z e k, *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*, Wrocław 1968; ZiRP - W. K u r a s z k i e w i c z, A. W o l f, *Zapiski i rotu polskie XV-XVI wieku z ksiąg sądowych ziemi warszawskiej*, Kraków 1950.

и т. д. Формы на - *pų*, - *pí* могут быть здесь и семантически дифференцированы. В этом случае прилагательное на - *pų* выражает более отвлечённый признак, чем соответствующая форма на - *pí* *srdeční* "сердечный" (*srdeční činnost* "сердечная деятельность"), но *srdečný* "искренний" (*srdečný smích* "сердечный, искренний смех"), *mravní* "нравственный, моральный" (*mravní povinnost* "моральный долг"), *mravný* "благонравный", (*mravný život* - "нравственный образ жизни", *obecní* "общественный, общинный", но *obecný* "общий" и т. д.

В современном русском языке подобный параллелизм отсутствует почти полностью, поскольку прилагательные на -ный функционируют с определённым словообразовательным значением, выражая отношение к месту или времени: осенний, весенний, вечерний, субботний и др. При всех прочих мотивирующих основах выступает твёрдый вариант той же морфемы. Отголоском древнейших отношений является параллелизм форм типа: давний - давный, искренний - искренный, междугородний - междугородный и т. д. При сложившейся тенденции к закреплению того или иного аффикса, ликвидации древнейшего параллелизма форм на -ный, -ний русский или иной славянский материал не может предоставить достаточных сведений для определения исконного назначения указанного осложнения суффикса -*ŷno указательным -*jъ. В связи с этим чрезвычайно важными оказываются сопоставительные материалы современного литовского языка, где тот же суффикс представлен в двух основных вариантах: - *in(aš)* и - *in(is)*, при этом - *inaš* целиком и полностью соответствует славянскому - ѡль, а - *inis* явился результатом осложнения и.е. -*ino элементом -*ja (и.е. *jo), являющимся, видимо, исконным указательным местоимением¹². Однако в функциональном отношении славянскому - ѡль оказывается близким именно - *inis*, способный образовывать (и очень активно) прилагательные от того же круга мотивирующих основ, что и приведённые выше русские формы на -ный. Отсюда: *bālinis* "болотный", *mišk̃inis* "лесной", *gelež̃inis* "железный", *duoninis* "хлебный", *ežer̃inis* "озёрный", *kopūstinis* "капустный", *ugñinis* "огненный", *kaim̃yninis* "соседний", *rašal̃inis* "чернильный", *visuomeñinis* "общественный", *kasdieñinis* "повседневный",

¹² См. J. O t r ę b s k i, *Gramatyka języka litewskiego*, t. 3, Nauka o formach, Warszawa 1956, с. 195.

pirminis "первичный", *vakarinis* "вечерний", *žieminis* "зимний", *naktinis* "ночной", *vasarinis* "летний" и т. д.

Суффикс же - *in(as)* здесь более ограничен в употреблении и при производящих существительных конкретно-предметного значения обычно выражает семантический оттенок, связанный с наличием чего-либо на поверхности ("испачканный чем-либо"), какую-либо внешнюю, легко заметную особенность"¹³. Например, *dūlkinas stālas* "стол в пыли", *drūskinos rankos* "руки в соли", *dumblinas vanduo* "вода с илом" и т. д. Формы на - *inis* при тех же мотивирующих основах - выступают с более общим значением отношения. Ср. *dulkiniai akiniai* "очки от пыли", но *dūlkinas stālas* "стол в пыли", *miltiniai blūnai* "мучные блины", но *miltinos rankos* "руки в муке", *mólinas* "измазанный глиной", но *mólinis* "глиняный" и т. п.

Суффикс - *in(is)*, возникнув некогда на базе - *in(as)* вытеснил последний из многих сфер языка. Не случайно поэтому в языке более раннего периода мы находим большее количество образований на - *inas* при тех мотивирующих основах, которые в современном литовском языке выступают с производными на - *inis*. Например, в *Daukšos Postilė XVI v.*: *geležinas* "железный" (совр. *geležinis*), *sidābrinas* "серебряный" (совр. *sidabrinis*), *vārinas* "медный" (совр. *varinis*), *mólinas* "глиняный" (совр. *mólinis*), *auksinas* "золотой" (совр. *auksinis*) и т. д. Параллелизм форм на - *inas* - *inis* отмечен и у А. Лескина¹⁴. Постепенно в качестве основного варианта закрепился именно - *inis*, унаследовав все значения, выражавшиеся более ранними формами на - *inas*¹⁵.

Для того, чтобы представить, чем же в принципе отличаются формы на - *inis* от соответствующих образований на - *inas*, необходимо обратить внимание на ту особую функцию, которую выполняют прилагательные на - *inis* в современном литовском языке. Эти формы способны выражать указательно-выделительное значение, сходное с тем, которое имели местоименные прилагательные. Как известно, в славянских языках процесс формирования местоименных прилагательных уже закончился, в современном же литовском языке он

¹³ См. P. Skardžius, *Lietuvių kalbos žodžių daryba*, Vilnius 1943, с. 241.

¹⁴ A. Leskien, *Die Bildung der Nomina im Litauischen. Slavische und Baltische forschungen*, Teil 2, Leipzig 1975, с. 253-254.

¹⁵ A. Valckienė, *Kai kurie lietuvių kalbos būdvardžių darybos klausimai*, "Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai" 1958, Serija A, N° 215, с. 179.

является живым и развивающимся. Местоименные прилагательные здесь (*įvardžiutiniai būdvardžiai*) "имеют своей задачей указать, что среди предметов, наделённых некоторым признаком, выделяем какой-то известный предмет - этот, а не иной"¹⁶.

Формант - *in(is)*, осложняя основу мотивирующего прилагательного, выделяет определяемый предмет среди всех прочих по целому ряду признаков: величине, форме, цвету, сорту и т. д.¹⁷ Отсюда: *apvalūs* "круглый вообще", но *apvalūsis-apvalinis* "круглый как сорт" (*rąstas apvalūs* "круглое бревно", но *apvalinės rėplės* "круглые клеши"); *baltas* "белый вообще", но *baltūsis-baltinis* "белый, как сорт" (*baltà drėbė* "белое полотно", но *baltiniai obuoliai* "белые яблоки"); *saldus* "сладкий" но *saldūsis = saldinis* "сладкий как сорт" (*saldūs vūnas* "сладкое вино", но *saldinė obelīs* "сладкая яблоня") и т. д. Теми же особенностями обладают и прилагательные на - *inis*, мотивированные порядковыми числительными и наречиями: *septintas* "седьмой", но *septintinis traukinys* "поезд, который отходит в семь часов", *apliūks* "кругом, вокруг", но *apliūkinis kėlias* "окольный путь" и т. д. Не случайно от форм на - *inis* невозможны местоименные образования на - *is*.

Приведённые особенности литовского суффикса - *in(is)*, обладающего указательно-выделительной функцией, перекликаются с теми же конкретизирующими особенностями суффикса - *ний* в русском языке. Они были более ясными в древнерусском языке, что убедительно показано в работе Н. П. Зверковской¹⁸: коньчѣнии - "находящийся в конце", "(самый) последний", краинии - "с самого краю находящийся", "предельный, высший" и т. д.

Вот откуда у русских прилагательных на -*ний* такая конкретность в семантике. Они почти не подвергаются переосмыслению, не развивают так называемых переносных значений, хотя окказионально способны приобретать морфологические признаки качественных прилагательных¹⁹. Ограничение же функционирования этого суффикса про-

¹⁶ O t r e b s k i, указ. раб., с. 111.

¹⁷ Lietuvių kalbos gramatika. I tomas. Fonetika ir morfologija, Vilnius 1965, с. 572.

¹⁸ Н. П. З в е р к о в с к а я, К вопросу о соотносительности суффиксов *-н* и *-ни* в древнерусском языке, [в:] Исследования по исторической морфологии русского языка, Москва 1978, с. 80-82.

¹⁹ См. Т. А. А р х а н г е л ь с к а я, Формальная ассимиляция качественно-относительных прилагательных и вопросы культуры речи, [в:] Вопросы русского словообразования и формообразования, Грозный 1974, с. 167.

странственно-временными (наречными и субстантивными) основами - один из многих случаев взаимозависимости словообразовательных и лексических факторов, относящихся к области грамматической лексики.

Второй группой существительных, также выделенных в словообразовательном отношении тем же суффиксом -н(ий) в современном русском языке, являются немногочисленные названия живых существ (чаще всего это термины родства): братний, мужний, супружний, матерний, дочерний, сыновний и т. д. Эта группа оказалась достаточно устойчивой в истории русского языка. Так, судя по "Материалам для словаря..." И. И. Срезневского, в древнерусский период те же существительные соединялись с суффиксом -нь: дѣдньи, моужьнии, дружьнии, женьнии, матерьнии, сестрьнии и др. Словарь Б. Унбеггауна отмечает те же формы применительно к литературному языку XVI века: братень участокъ, братню сыну, дружня брата, безъ мужня ведома, въ сыновънь отчинъ и т. д.²⁰ В русском литературном языке XVII века: воли братънеи, детья имъня, приятели мужьни, имъня женья и др. МПЛС. В языке XVIII века: супружнею могилою Лом. VI-384; малолетство мужнее Лом. VI-386; братними увещеваниями Лом. VI-266²¹ и т. д.

Основное значение, выражаемое прилагательными на -ний при указанных основах, - личной принадлежности или общего отношения. Поскольку значение индивидуальной принадлежности в русском языке выражается суффиксами -ов, -ин, -ј, иногда -ск, то прилагательные на -ний не получили в этой сфере особого распространения, ограничив сферу своего функционирования этой чрезвычайно узкой группой производящих существительных.

Соединение суффикса -ni с подобными терминами родства не носит общеславянского характера, поэтому соотносительные формы можно обнаружить лишь в близкородственных языках: белор. братні, мужні, сынні (сыноўні), сватні и др; укр. братній, дочірній (доччин), матерній (материн), но синівський, чоловиків и др. Ср. в польском: *bratni* (*braterski*), *synowski*, *należący do córki*:

²⁰ B. Unbegaun, *La Langue Russe au XVI siècle (1500-1550). La flexion des noms*, Paris 1935, с. 331-332.

²¹ Лом.- М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений в 10-и т., Москва 1950-1957.

meżowecki и др., в чешском: *dceřiný* "дочерний", но *bratrský, synowski, materský* и т. д. Это связано и с особой функцией общеславянского форманта - *jъ*, который, как известно, имел широкое, указательно-выделительное значение, являясь одним из средств адъективации имен, имеющих значение одушевлённости²². Способность к выражению лично-притяжельного значения, которое могло совмещаться с категориально-притяжательным, способствовала необычайному распространению этих -*j*-овых образований на общеславянской почве. Именно с этим -*j*- и связано вышеприведённое значение суффикса -*ni*, получившего разное развитие в славянских языках. Вступив в активное взаимодействие с исконным -*ny*, он не выдержал конкуренции с этим суффиксом, способным в большинстве славянских языков выражать общее относительное значение, и уступил свои позиции, закрепившись в сфере узкого круга указанных выше образований. Правда, в современном чешском языке в качестве основного форманта, производящего адъективы от различного типа основ закрепился именнс -*ni* (в этом отношении чешский язык оказался удивительно близок литовскому, активно использующему мягкий вариант суффикса -**po*). В польском же языке, наоборот, в качестве основного варианта функционирует -*ny*, пришедший на смену параллелизму однокоренных прилагательных на -*ni* - *ny*²³.

В свете высказанных выше соображений, касающихся происхождения суффикса -*ni*, становится понятным, почему в современном русском языке формант - *n(ый)* не производит адъективов от топонимов и собственных имён, наименований лиц и животных. Правда, судя по данным некоторых исследователей²⁴ подобные прилагательные в принципе возможны при выражении общего значения отношения или собственности: мракобесный - "относящийся к мракобесу, мракобесам, свойственный им", канареечный - "относящийся к канарейке", "кустарный" - "прилаг. к кустарь" и т. д. Особенно ярко общее значение

²² См.: С. В. Фролова, История притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом - *j* - по древнерусским письменным памятникам XI-XVII вв., "Учёные Записки Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева" 1959, вып. 27, с. 186-187.

²³ См. J. Majowa, *Z problematyki kaszubskich przymiotników*, "Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej", 1972, nr 12, с. 115-120.

²⁴ См. В. Н. Немченко, Словообразовательная структура имён прилагательных в современном русском языке, Горкий 1973, с. 85.

отношения прослеживается при сопоставлении с другими суффиксальными образованиями: конная армия, но конский хвост, рыбное блюдо, но рыбья чешуя, инженерный "технический, связанный с деятельностью инженеров" и инженерский "прил. к инженер" и т. д.

В древнерусском языке прилагательных на -ный, мотивированных одушевлёнными существительными, было несколько больше, например, у И. И. Срезневского: звѣрьный, козлыный, овыный и др., но они не закрепились и были заменены прилагательными с другими суффиксами.

Ненамного больше подобных же форм и в других славянских языках, например, в белорусском: аленні мох, баранныя шапка, варонныя крыло и т.д., но они, как правило, не выражают принадлежности и ограничены в употреблении.

В современном литовском языке суффикс -inis гораздо шире используется при одушевлённых существительных, однако здесь необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что эти формы никогда не выражают "чистой принадлежности" (для этого очень активно используется родительный определительный), в их семантике чётко прослеживается та указательность, которая делает прилагательные на -inis близкими терминам. Вот почему терминология родства здесь никогда не участвует в производстве форм на -inis при выражении оттенков личной принадлежности. Ср. *motinė ląstė* "материнская клетка", но *motinos ašaros* "слёзы матери". То же можно сказать о названиях животных. Ср. *avinis vilkas* "волк, который ловит овец" но *aviės vilna* "овечья шерсть"; *arklinė mašina* "машина, приводимая в движение лошадью", но *arklio uodegà* "конский хвост"; *sabalinė kepurė* "соболиная шапка", но *sabalokailiukas* "соболиная шкурка"; *žąsinių taukai* "гусиный жир", но *žąsiės oda* "гусиная кожа" и т. д.

Сопоставление с литовским материалом объясняет одно из важнейших ограничений для производства прилагательных на -ный в русском языке от названий животных, терминов родства и т. д., поскольку суффиксу -н(ий) не свойственно выражение личной принадлежности и узкого терминологического значения.

Таким образом, сопоставление образований на -ны, -пу, -ні в родственных языках помогает объяснить целый ряд важнейших моментов, связанных с особенностями функционирования этих прилагательных в современном русском языке; пролить свет на их историю, вы-

явить основные причины древнейшего параллелизма форм на -ны, -пу, -ні развившегося в отдельных славянских языках в разном направлении.

Институт русского языка
им. А. С. Пушкина
СССР

Emilia Bałażyńska

ROLA CZYNNIKA PORÓWNAWCZEGO W BADANIU POSZCZEGÓLNYCH ELEMENTÓW
SYSTEMU SŁOWOTWÓRCZEGO JĘZYKA ROSYJSKIEGO

W artykule rozpatruje się złożone i dyskusyjne zagadnienia słowotwórstwa rosyjskich przymiotników z przyrostkiem -n-, które można wyjaśnić tylko za pomocą danych z innych języków słowiańskich i bałtyckich. Właściwości funkcyjowania przymiotników na -ny, -ni w języku polskim i czeskim, a szczególnie przymiotników na -inos, -inis w języku litewskim pozwalają objaśnić paralelizm rosyjskich przymiotników na -nyj, -nij związany ze szczególną, wyróżniająco-wskazującą funkcją dawnego -nii (-njōs).

Przymiotniki litewskie na -inis motywowane rzeczownikami żywotnymi nigdy nie są używane dla wyrażenia znaczenia osobowo-dzierżawczego, co wyjaśnia ograniczoność zakresu derywacji analogicznych form z kontynuantami przyrostka -njōs w językach słowiańskich.